

PRO ET CONTRA. МЕСТО ВСТРЕЧИ

(Рецензия на книгу: Ernst Mach's Philosophy. Pro and Con / Ed. by John T. Blackmore. Bethesda and Tokyo: Sentinel Open Press, 2009. 252 p.)

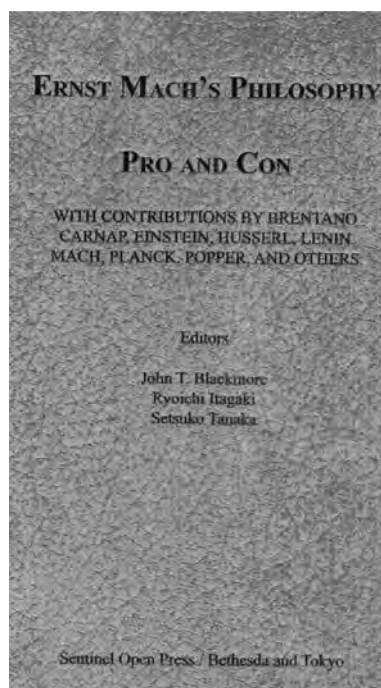
А. А. ПАРАМОНОВ

«Философия Эрнста Маха. Pro and con», вышедшая в 2009 г. в издательстве «Sentinel Open Press», является третьей книгой в серии фундаментальных работ, посвященных Эрнсту Маху, которые издаются под редакцией известного американского исследователя творчества Эрнста Маха, автора его первой научной биографии¹, Джона Блэкмора и японских историков науки: Риойчи Итагаки и Сэцуко Танака. В том же году издательство «Sentinel Open Press» выпустило еще одну книгу из этой серии. Она называется «Влияние Эрнста Маха», и в ней представлена избранная переписка Э. Маха. Ранее в 2001 и 2006 гг. вышли, но в других издательствах «Вена Эрнста Маха. 1895–1930» и «Наука Эрнста Маха»².

Внушительный список «контрибьютеров», вынесенный на обложку рецензируемой книги, не допускает сомнений в серьезности предприятия. Достаточно назвать такие имена, как: Франц Brentano, Рудольф Карнап, Альберт Эйнштейн, Эдмунд Гуссерль, Влади-

¹ Blackmore J.T. Ernst Mach – His Work. Berkeley : Life, and Influence, University of California Press, 1972.

² Ernst Mach's Vienna. 1895–1930. Dordrecht: Kluwer, 2001; Ernst Mach's Science – Its Character and Influence on Einstein and Others. Tokai University Press (Japan), 2006; Ernst Mach's Influence – Spreads to Musicians, Herrews Antropologists, Hungarians, etc. Sentinel Open Press.

мир Ленин, Филипп Франк, Карл Штумпф, Карл Поппер и др. В этот список (в разделе Pro) включен и сам Эрнст Мах. Академический образ издания завершают обширный именной и предметный указатели. Помимо названных имен, публикации которых о Махе в большой степени знакомы философской аудитории, в книге представлен ряд не столь широко известных материалов. Назову лишь некоторые. Так, несомненный интерес вызывают фрагмент лекции немецкого математика Георга Гельма, прочитанной в 1916 г. в Обществе естественных наук *Isis* в Дрездене; исключительно содержательный фрагмент из книги современного американского философа Эрика Бэнкса, посвященный функционализму у Маха; критическое исследование австрийского историка и философа Вольфдитриха Шмид-Коварзика с анализом причин того, почему после отстранения в 1895 г. Франца Brentano от руководства философской кафедрой Венского университета возглавить ее приглашали не философов, а физиков: с 1896 по 1903 г. кафедру возглавлял Эрнст Мах, а затем до 1906 г. – Людвиг Больцман. Можно сказать, что здесь нет неинтересных текстов, остается лишь сожалеть, что многие фрагменты, представленные в книге, оказываются слишком короткими и потому недостаточно информативными. Причины этого, как объясняют издатели в последней главе «Скандал, связанный с авторскими правами...», лежат в сложностях получения разрешений на издание материалов и различных ограничениях правового характера.

На первый взгляд по жанру книгу можно зачислить в разряд антологий, в которой в относительно краткой форме представлены противоположные точки зрения по выбранному предмету, в нашем случае этим предметом является философия Эрнста Маха. Однако по своей структуре книга во многом воспроизводит структуру научной публикации, в которой представляются результаты проведенного исследования. В любой подобного рода публикации особое место отводится предисловию. В нашем случае значимость предисловия подчеркивается тем, что оно занимает треть общего объема книги. Основную часть, которая, если следовать выбранной аналогии, должна представлять собственно само исследование, составляют отобранные редакторами цитаты и отрывки из произведений, писем, воспоминаний контрибьюторов. Правда, в книге отсутствует заключение, на эту роль может претендовать редакторский комментарий к публикациям или, например, завершающая книгу глава, в которой со ссылкой на правовые ограничения объясняется, почему не удалось представить материалы в полной мере и по числу участников, и по объему приведенных публикаций.

Эта завершающая глава, на первый взгляд воспринимаемая как формальная, позволяет, по моему мнению, поставить вопрос о возможной случайности выбора составляющих книгу материалов (при всей тщательности его проведения), его обусловленности внешними обстоятельствами. Впрочем, следующий, естественным образом возникающий вопрос о возможной несамодостаточности и несамостоятельности позиции, заявляемой книгой в целом, может быть легко снят кропотливой комментаторской работой, по крайней мере в том, что касается относительной компенсации краткости приводимых фрагментов. Но это – возможное реше-

ние лишь одной стороны проблемы, и к нему мы вернемся чуть позже, а пока обратимся к другой ее части. Вопрос о самодостаточности представленных позиций пересекается также с необходимостью ответить еще на один вопрос, касающийся цели собиранья под одной обложкой столь разных, именитых и не очень, разнесенных по пространствам и временам авторов.

Особое место предисловия в научной статье или в широком смысле в представлении результатов научного исследования, к которому мы, следуя выбранной аналогии, относим и настоящий сборник, определяется тем, что в предисловии впервые формулируется то, что можно назвать областью неизвестного, «незнанием» или проблемой, разрешению которой будет посвящено последующее исследование. Можно сказать, что здесь выстраивается форма пространства возможного или будущего понимания.

Именно к проблеме понимания обращаются в предисловии Блэкмор и его коллеги, разъясняя свою позицию. «Изначальная цель книги, – пишут они, – не в том, чтобы отстаивать позицию либо “за”, либо “против” философии Эрнста Маха или его представлений о науке, но в том, чтобы попытаться *понять* тот необычайно широкий диапазон различных точек зрения на его идеи»³.

Вряд ли кто-то будет спорить, что разнообразные позиции, представленные в книге, можно отнести к разным типам философствования. Поэтому естественно возникает вопрос о необходимости выстраивания своего рода метапространства философских практик как необходимого условия достижения понимания, своего рода обещанного *места встречи*, где оказывается возможным если не совместное обсуждение чего-либо, допустим, позитивистом, с одной стороны, и феноменологом – с другой, то по крайней мере их взаимоузнавание.

Вне всякого сомнения, необходимость ответа на такого рода вопрос, проблема поиска места встречи встает и перед издателями «Pro and Con».

Именно эту проблему, на мой взгляд, они решают, проводя исключительно тщательный учет различных философских, или, точнее, эпистемологических позиций, чему посвящена первая глава предисловия. В результате Блэкмору и его коллегам удастся сконструировать что-то вроде многомерной системы координат, по одной из осей которой разнесены в противоположные стороны, допустим, позиции презентистов и репрезентистов, по другой оси можно расположить приверженцев идеальной и экспериментальной, наблюдательной науки, по следующей оси размещаются прямые эпистемологи и не-прямые эпистемологи и т.д. и т.п.

Однако в такого рода каталогизации есть опасность. Дело в том, что раз речь идет о различных типах именно *философствования*, это в свою очередь подразумевает, что разделяющая эти различающиеся типы граница должна проходить скорее по *практикам проблематизации*, которые те осуществляют по отношению к рассматриваемой проблеме, чем по *способам* ее разрешения.

³ Ernst Mach's Philosophy. Pro and Con. P. XVI.

А как будет проходить граница, будем ли мы заниматься практиками философствования или способами решения проблем, это во многом зависит от того, как мы выстраиваем место встречи. Указав это место заранее, мы оставляем возможность для встречи лишь на уровне различных способов разрешения проблемы, но шанс для встречи на уровне проблематизаций уже оказывается утраченным.

Какой выбор делают Блэкмор и его коллеги? Они предваряют то, что мы назвали выше исследовательской частью (в качестве места встречи различных типов философствования по поводу Маха), следующим образом:

«Мах в первую очередь экспериментатор, историк, философ, который часто критиковал теории и математически идеализированную науку, и подобно многим, даже современным, философам, он отвергал атомы и молекулы, придерживаясь презентистских оснований и онтологической редукции, как если бы не существовало физического мира вне ощущений. Однако Мах, рассматривая значение в качестве психического и сводя логику и математику к эмпирическому основанию, противостоял лингвистической редукции в том виде, в каком ее позднее будут утверждать Витгенштейн и Карнап, которая предполагает субординацию и сведение значений и семантики к объективированным “пропозициям” и лингвистическим конвенциям... Не жаловал Мах и экономическую, и социальную редукцию, ни холистическую неопределенность, которую они порождали. Однако он часто рассматривался как “неопозитивист” или предшественник логического позитивизма отчасти из-за редукционистского подхода к ощущениям и отношениям между ними и из-за его критики некоторых типов нередуцированного как “метафизического” или “бесмысленного”. Для многих философов и методологов эти уничижительные ярлыки стали распространенными бранными терминами, позволяющими осуществлять ошибочную демаркацию редукционистской науки от нередукционистской»⁴. В завершение этот образ дополнен утверждением о несоответствии презентистской эпистемологии Маха репрезентистской позиции Эйнштейна.

Выстроенное пространство различных позиций *pro et contra* вокруг представленной таким образом фигуры Маха выглядит вполне обоснованным и функциональным. Правда, у него есть один недостаток: в каком-то смысле оно уже не содержит «незнаемого» и поэтому чрезвычайно хрупко. Появление иной интерпретации, не «встраивающейся» в оговоренное место встречи, не находящее в нем своего «незнаемого», вносит возмущения в саму фигуру Маха, грозя обрушением всей конструкции.

Ощущают ли хрупкость своих построений издатели? Думаю, что ощущают. Чем еще как не ощущением этой хрупкости можно объяснить особое позиционирование в редакторских комментариях, которыми сопровождаются публикации, двух конкретных имен? Одно из них мы не найдем в именном указателе к книге, хотя это, вероятно,

⁴ Ernst Mach's Philosophy. P. XIX–XX.

произошло по недоразумению. Правда, обладатель его не входит в число контрибьюторов, хотя вполне того заслуживает, но в его адрес высказывается резкий упрек, не подтверждаемый сколь-нибудь развернутой аргументацией. Мы говорим о немецком историке науки Гереоне Волтерсе, авторе книги «Мах I, Мах II и теория относительности. Подлог и его последствия»⁵, где он приводит ряд серьезных аргументов в доказательство того, что антиэйнштейновское предисловие к книге Маха по оптике, которая вышла после смерти Маха в 1921 г.⁶, было написано не Махом, а его сыном Людвигом. Работу Волтерса редакторы называют спекулятивным обвинением⁷, не приводя для этого достаточных оснований. Хотя, конечно, нужно признать, что это противостояние имеет давнюю историю⁸.

Во втором случае речь идет о Поле Фейерабенде, два фрагмента из работ которого представлены в разделе «Pro». Один фрагмент – из его ранней работы, второй – из более поздней. Как пишут сами редакторы, фрагменты были подобраны специально, чтобы продемонстрировать, насколько разительно Фейерабенд меняет свои взгляды – от явно пропопперианской оппозиции Маху, которой он придерживался до 1961 г., до перехода в 1981 г. к решительной защите последнего⁹.

На мой взгляд, читатель «Pro and Con», не знакомый с работами Фейерабенда, окажется в сложном положении, попытавшись понять из представленных в разделе «Pro» фрагментов, что, собственно, стоит за призывами Фейерабенда «отделить физические аргументы Маха» от его «эпистемологии»¹⁰. Он может, конечно, обратиться к редакторским комментариям (для этой цели они и предназначены). Но там вместо обсуждения возможных затруднений, связанных с пониманием фрагмента, он найдет разъяснение, относящееся не к тексту, а к конкретному человеку Фейерабенду, который, по словам Блэкмора, слишком рьяно встает на защиту тех, кого считает неоправданно критикуемым. «Движимая симпатией защита “неоправданно критикуемого” имеет, конечно, характер эмоциональный, а не рациональный и ответственный, – замечает Блэкмор. – Тем не менее она часто производит сильное впечатление на тех, кто испытывает потребность в высшей справедливости. Конечно, если критика была необоснованной, то необходима коррекция. Но сострадание важно, даже если кри-

⁵ Wolters G. Mach I, Mach II, Einstein, und die Relativitätstheorie. Eine Fälschung und Ihre. Berlin; N.Y. : W. de Gruyter, 1987.

⁶ Mach E. Die Prinzipien der physikalischen Optik: Historisch und erkenntnispsychologisch Enwickelt. Leipzig: J. A. Barth, 1921.

⁷ Ernst Mach's Philosophy. P. 169.

⁸ Blackmore J. Ernst Mach Leaves «The Church of Physics» // The British Journal for the Philosophy of Science. 1989. Vol. 40(4). P. 519–540; Dissale R. Critical Notes // Philosophy of Science. 1990. Vol. 57, №. 4. P. 712–723.

⁹ Ernst Mach's Philosophy. P. 168–169.

¹⁰ Ibid. P. 152.

тика была справедливой. Подозрительно, однако, что Фейерабенд, будучи озабочен репутацией умерших исследователей... в отношении ложного истолкования их идей, чрезмерно сильно выражал свои симпатии и эмоции. Да, он приводит доказательства и аргументы, но при всем желании быть справедливым большинство из них кажутся скорее остроумными, чем правдоподобными. У Маха были более способные защитники, чем Фейерабенд, но немногие из них, если вообще кто-то, столь широко известен, по крайней мере сегодня»¹¹. Там же для большей убедительности Блэкмор делится с читателями содержанием своей «доверительной» беседы с Карлом Поппером, во время которой последний сообщил ему «по секрету», что Фейерабенд был «crazy» и что в том, «как он привлекал к себе внимание, он больше был похож на лису»¹². Нельзя не признать, что подобная аргументация выходит за рамки академического спора.

Несомненно, книга «Философия Эрнста Маха – Pro and Con», подготовленная Джоном Блэкмором, Риойчи Итагаки и Сетцуко Танака, открывает необычайно широкий спектр точек зрения на идеи Эрнста Маха, но гармоничность этого спектра вызывает сомнения: ему не хватает, пожалуй, толики «незнания».

¹¹ Ernst Mach's Philosophy. P. 168–169.

¹² Ibid. P. 168.